

УДК 821.161.1.09

О. А. Верник

ЛЕВ ЛУНЦ И МАКСИМ ГОРЬКИЙ: ВЗАИМОРЕЦЕПЦИЯ

Лев Лунц был одним из создателей «Серрапионовых братьев», ее теоретиком. Именно он изложил основные принципы группы в статьях «Почему мы Серрапионовы братья» и «На Запад!». Лунц был тем стержнем, вокруг которого держалось писательское братство. После его ранней смерти среди серрапионов стали очевидны неизбежные разногласия и утрата единства. Потом уже никто не мог так воодушевлять и верить в «кровную связь» «братьев». Лунц, с нашей точки зрения, сосредоточил в себе, пожалуй, наиболее яркие черты этой уникальной литературной группы, являлся ее олицетворением и одним из главных действующих лиц. В современном литературоведении различные аспекты творчества Лунца исследованы в работах А. Вольской, Вяч. Иванова, Е. Лемминга, Т. Купченко, Т. Прокопова, Б. Фрезинского, В. Шубинского и др. В то же время для Лунца, как и для всех «Серрапионовых братьев», был значимым авторитет Горького. Достаточно вспомнить, что писатели несколько лет, вплоть до смерти Лунца, вели активную переписку. Поэтому целесообразным представляется рассмотрение взаиморецепции Лунца и Горького.

При общей высокой оценке «Серрапионовых братьев» Горький выделял нескольких авторов, творчество которых считал наиболее значительным. В письме к М. Слонимскому он ясно назвал этих «братьев»: «Скажу прямо: вы, Зильбер, Лунц, Зощенко это самое ценное ядро «Серрапионовых братьев» и самое талантливое. Держитесь ближе, крепче и вы явитесь магнитом, который привлечет к себе все наиболее значительное» [1, с. 59]. В другом письме к Зильберу (Каверину) Горький тоже косвенно говорит об этом: «Держитесь крепче с друзьями: Лунцем, Зощенко, Слонимским да и всеми другими, кого не оглушает, не ослепляет «базар житейской суеты» [1, с. 61]. Подчеркнем, что именно этих авторов Горький выделяет из общего числа серрапионов. В то время группе существовало несколько «фракций», которые Лунц определил так: «Западники» (Каверин и я) считают, что современная русская литература неудобочитаема, скучна... «Западники» смотрят на Запад. У Запада учатся. «Восточники» (Иванов, Никитин, Федин) – все в порядке. Писать надо, как пишут все. Ни у кого учиться не надо. Сами всякого научим. И, наконец, «центр» (Слонимский, Зощенко) – теперешняя проза не годится. Учиться надо, но у старой русской традиции забытой (Пушкин, Гоголь, Лермонтов)... «Восточники» примыкают к московской школе, к Пильняку. «Западники» любят Гофмана, Купера, Диккенса, Гюго. Из русских – только Замятина последнего периода («Мы»)» [2, с. 20]. Оценки Горького свидетельствуют о том, что в эмиграционный период он не одобрял творчество «восточников», характеризующееся бытописанием, стилизацией, активным

использованием диалектизмов. Писателя привлекали те молодые авторы, которые отличались, прежде всего, оригинальностью и новаторством, следующие «западной» традиции. И одним из них был, безусловно, Лунц.

Местонахождение большинства писем Горького к Лунцу неизвестно, о характере переписки писателей и горьковских ответах мы можем судить в основном по сохранившимся письмам Лунца. В этих письмах молодой писатель затрагивал самые разные вопросы, которые были для него значимы. Эти письма – своеобразные размышления на этические, житейские, литературные темы. В письме от 16 августа 1922 года Лунц касается важной проблемы правильности своего профессионального выбора, создания собственной писательской судьбы. Сомнения молодого автора связано с национальным и творческим самоопределением: «Правильно ли я поступил, ударившись в литературу? Не то, чтобы я не верил в свои силы: а верю я в себя, может быть, слишком смело. Но я – *еврей*. Убежденный, верный, и радуюсь этому. А я – *русский* писатель. Но ведь я русский еврей, и Россия – моя родина, и Россию я люблю больше всех стран. Как примирить это? – Я для себя примирил все, для меня это ясно и чисто, но другие думают иначе. Другие говорят: «не может еврей быть русским писателем» [3, с. 546]. Далее Лунц объясняет, что оппоненты не считают его русским писателем, поскольку он противник «густого, областного языка, мелочного быта, нудной игры словами», западную литературу любит больше русской, большое внимание уделяет не языковой стилизации, а сюжету [3, с. 546]. Несколько раз в письме повторяется фраза, видимо, глубоко, задевшая писателя: «Кругом говорят, что я не русский» [3, с. 564]. Отметим, что Лунц часто обращался к осмыслению еврейской темы. В рассказах «Родина», «В пустыне», «Рассказ о скопце» Лунц погружает читателя в мир Израиля, заставляя буквально ощутить эту страну, постичь ее роль и значение в мировой истории и культуре. Эта важная и очень личная проблема неслучайно затронута Лунцем в письме к Горькому. Он был безусловным авторитетом для молодого автора, который подчеркнул это уже в начале письма: «Мне нужно посоветоваться с твердым человеком, которому я верю и которого я уважаю» [3, с. 546]. Об ответе Горького можем судить по следующему письму Лунца: «Я был бесконечно тронут, получив Ваше письмо, такое трогательное и теплое. Оно принесло мне полное успокоение и доставило мне долгую и большую радость. Спасибо!» [3, с. 551] Еврейская тема всегда была острой для русской культуры и литературы, и то, что Лунц открыл свои достаточно личные переживания именно Горькому свидетельствует о высокой степени доверия, уверенности в поддержке и понимании.

Об авторитете Горького свидетельствуют и другие письма Лунца, в которых он оценивает свои произведения, затрагивает волнующие его литературные вопросы. В письме от 16 декабря 1922 года молодой писатель поднимает вопрос о важности «западного» воздействия на современный ему литературный процесс. Это один из камней преткновения в среде «Серрапионовых братьев», и письмо Лунца позволяет воссоздать атмосферу их

дискуссий: «Я на днях прочел у Серапионов большую статью – «На Запад!». Пря произошла потрясающая. Едва не побили меня, – в шутливо-ироничном тоне замечает Лунц. – Это было, кажется, наше самое интересное заседание... Меня здорово «облаяли», особенно за «западничество». Но я держусь за него крепко. Полагаю, что русское скифство – идеология провинциалов, которые плюют на столицу и гордятся своим провинциализмом. Гордятся нечем» [3, с. 558]. Лунц здесь приводит основные положения своей статьи «На Запад!», подчеркивает, что для современной прозы, для возрождения русского романа необходимы идея и, главное, занимательность, которые возможны только «при большой и хорошо развитой *фабуле*», а «фабула требует долгой учебы, многих опытов и эскизов» [3, с. 558]. По мысли Лунца, большинство современных авторов, в том числе из числа Серапионовых братьев, идут по линии наименьшего сопротивления, «не хотят работать», поэтому «русская проза очень скучна. Все владеют языком, образом, стилистическими ужимками, – и щеголяют этим» [3, с. 558]. В тот период Горький еще разделял позицию Лунца, не случайно в статье «Группа «Серапионовы братья», написанной уже после этих писем, – в 1923 году – он подчеркнул, что серапионы «хорошо понимают, что Россия может нормально жить только в непрерывном общении с духом и гением Запада» [4, с. 574-575].

Неоднократно в письмах Лунц обсуждает творчество «Серапиновых братьев», анализирует их успехи и недостатки, неизменно подчеркивая: «С каждым днем все неразрывнее чувствую я (и так все) связь свою с каждым «братом». А ведь мы с каждым днем в то же время становимся все более не похожими друг на друга. Не во всех верю я, не всех признаю (как писателей, конечно), но знаю, что писать не могу без них, без любого из них! Точно, действительно, это мои *братья по крови*» [3, с. 552].

В сохранившихся письмах Горького к серапионам остались свидетельства оценки творческих исканий Лунца, в частности, его литературоведческих опытов. В письме к М. Слонимскому он так комментирует теоретические рассуждения молодого автора: «А Лунц – теоретизирует, это тоже не очень хорошо, во всяком случае: несколько преждевременно. Я знаю, что в молодости человека весьма беспокоит зуд творчества различных законов и что всегда это приводит к дидактике, тенденции и другим грехам против Духа искусства» [1, с. 97]. Лунц был одним из немногих «Серапионовых братьев», затрагивающим в статьях теоретические аспекты литературного творчества, более того, он стал единственным автором своеобразной декларации группы «Почему мы Серапионовы братья». Замечания Горького верны в той степени, что стилистически «теоретизирования» Лунца лишены бесстрастности, их отличает парадоксальность, ирония, резкость,. Горький оправдывает максимализм и неоднозначность суждений Лунца не только молодостью, но, главным образом, тем, что «по натуре, по существу своему, Лёвушка прежде всего – художник» [1, с. 97]. Эти слова Горького о Лунце – еще одно свидетельство особого приятия молодого автора, расположения к нему.

Лунц не прерывал переписки с Горьким и в то время, когда выехал для лечения в Германию. По просьбе молодого автора Горький нашел для него такой лечебный «санаторий», который находился недалеко от писателя – во Фрейбурге, но врачи настояли на помещении Лунца в специализированную больницу. Молодой писатель мечтал встретиться со старшим товарищем: «Мне отчаянно хочется повидаться с Вами – столько рассказов и нежных поклонов!» [3, с. 568].

После смерти Лунца Горький написал некролог «Памяти Лунца», которая сопровождала в журнале «Беседа» лунцевскую пьесу «Город Правды». В начале некролога Горький пишет об образовании Лунца: «Ученик профессора Петрова – кафедра романской литературы – он, кончив университет, был командирован советом профессоров в Испанию для изучения испанской литературы» [3, с. 514]. Это внимание к филологическому образованию умершего писателя пытался объяснить К. Федина, считавший, что «талант, ум, знания обладали для Горького колдовским притяжением» [5, с. 94]. Мемуарист подчеркнул, что «в Лунце, помимо его личных качеств, была особенность, которая, конечно, увеличивала любование Горького молодым писателем: Лунц был выучеником и поклонником романских литератур, а романские литературы влекли к себе Горького всю жизнь» [5, с. 94]. В некрологе Горький несколькими словами выразил и свою оценку творчества Лунца, и собственное отношение к нему: «Я уверенно ожидал, что Лев Лунц разовьется в большого, оригинального художника, – он обладал бесспорным талантом драматурга. Живи он, работай и, наверное ... русская сцена обогатилась бы пьесами, каких не имеет до сей поры» [3, с. 514]. Такое внимание прежде всего к драматургии Лунца обусловлено, по-видимому, тем, что некролог сопровождал его «Город Правды» и нес в себе дополнительную задачу – привлечь читателей к этой пьесе. Характеризуя личность Лунца, Горький сосредоточивается на собственном восприятии и поэтому выделяет те черты творческого метода писателя, которые отражают и его собственное мировоззрение: «Погиб юноша, одаренный очень богато, – он был талантлив, умен, был исключительно – для человека его возраста – образован. В нем чувствовалась редкая независимость и смелость мысли; это качество не являлось только признаком юности, еще не искушенной жизнью, – такой юности нет в современной России, – независимость была основным, природным качеством его хорошей, честной души, тем огнем, который гаснет лишь тогда, когда сжигает всего человека. В кружке «Серрапионовых братьев» Лев Лунц был общим любимцем. Остроумный, дерзкий на словах, он являлся чудесным товарищем, он умел любить... Лев Лунц был одним из тех, кто думал о друге своем больше, чем о себе самом» [3, с. 514]. Здесь Горький из всех рассказов Лунца выделил один – «В пустыне», отметив, что особенно любит это произведение – «прекрасно написанную стилизацию библейской легенды об исходе евреев из Египта» [3, с. 514]. За два года до этого в письме к М.

Слонимскому Горький так же высоко отозвался об этом рассказе: «Сильно написал Лунца» [1, с. 38].

В 1932 году Горький снова вернулся к творчеству Лунца. Е. Лемминг справедливо обратил внимание на переключку названия знаменитого горьковского памфлета «С кем вы, «мастера культуры»?» и ключевой фразы из статьи Лунца «Почему мы Серапионовы братья», отражающей главные принципы литературной группы: «С кем же мы, Серапионовы братья? Мы с пустынным Серапионом» [3, с. 333]. Эта переключка, по мнению исследователя, одновременно служит примером и полемики авторов, и утверждением горьковского «поражения, подневольности ... отсюда и жестокость тона, и демагогические пассажи, и обреченность интонации» [3, с. 734]. Действительно, памфлет – яркий пример того, что Горький в статье демонстрирует совершенно противоположную позицию по отношению к аполитичности искусства, к интеллигенции, к западной культуре и литературе, которую высоко оценивал в ранее рассмотренной статье «Группа Серапионовы братья». Примером такого «переосмысления» может быть и его призыв к интеллигенции признать главную роль рабочего класса в творческом процессе: «Вы, интеллигенты, «мастера культуры» должны бы понять, что рабочий класс, взяв в свои руки политическую власть, откроет перед вами широчайшие возможности культурного творчества. Посмотрите, какой суровый урок дала история русским интеллигентам: они не пошли со своим рабочим народом и вот – разлагаются в бессильной злобе, гниют в эмиграции. Скоро они все поголовно вымрут, оставив память о себе как о предателях» [6].

Таким образом, в переписке и статьях воссоздана взаиморецепция М. Горького и Л. Лунца. Рассмотренные материалы позволяют понять характер отношений писателей, увидеть значимость авторитета Горького не только для становления Л. Лунца, но и для всей группы «Серапионовы братья». Горький всегда был последователен в оценках творчества Лунца, выделял его из числа других серапионов и полагал, что только ранняя смерть помешала молодому автору достичь настоящих вершин в литературе. Перспективы дальнейшего исследования данной темы мы видим в изучении интертекстуальных связей драматургии, прозы Л. Лунца с произведениями М. Горького.

Литература

1. «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / [вступ. ст., сост., коммент., аннот. указ. Е. Лемминга] . – М. : Аграф, 2004. – 544 с . – (Серия «Символы времени»).
2. Фрезинский Б. Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты / Борис Фрезинский. – СПб. : Академический проект , 2003 . – 592 с.
3. Лунц Л. «Обезьяны идут!»: Собрание произведений / Л. Лунц ; [Сост. , подг. текстов, коммент. , указ. , послесловие Е. Лемминга ; вступ. ст. В. Шубинского]. – СПб. : ООО ИНАПРЕСС, 2003. – 752 с.
4. Серапионовы братья : [антология / сост. , вступ. ст. , примеч. Т. Ф. Прокопова]. – М. : Школа-Пресс, 1998. – 640 с.

5. Федин К. Горький среди нас [Текст] : картины литературной жизни / К. Федин . — М. : Молодая гвардия, 1967 . — 352 с.

6. Горький М. С кем вы, «мастера культуры»? [Электронный ресурс] / М. Горький . — Режим доступа : <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-353.htm>

Аннотация

Верник О.А. исследует взаиморецепцию Максима Горького и Льва Лунца. Переписка и отзывы писателей о творчестве друг друга, рассмотренные в статье, позволяют понять характер их отношений, увидеть значимость авторитета Горького не только для становления Лунца, но и для всей группы «Серапионовы братья». О. А. Верник убедительно показала, что Горький всегда был последователен в оценках творчества Лунца, выделял его из числа других писателей и полагал, что только ранняя смерть помешала молодому автору достичь настоящих вершин в литературе.

Ключевые слова: литературная группа, рецепция, сюжет, творчество, творческий процесс, фабула.

Анотація

Вернік О.О. досліджує взаєморецепцію Максима Горького і Льва Лунца. Листування та відгуки письменників про творчість один одного, розглянуті в статті, дозволяють зрозуміти характер їх відносин, побачити значущість авторитету Горького не тільки для становлення Лунца, а й для всієї групи «Серапіонові брати». О. О. Вернік переконливо показала, що Горький завжди був послідовний в оцінках творчості Лунца, виділяв його з числа інших письменників і вважав, що тільки рання смерть завадила молодому автору досягти справжніх вершин у літературі.

Ключові слова: літературна група, рецепція, сюжет, творчість, творчий процес, фабула.

Summary

O. A. Vernik studies the mutual reception of Maxim Gorky and Lev Luntz. The writers' correspondence and comments on each other's works brought under attention in this article allow to understand the character of their relationships, to see the role of Gorky's authority not only in Luntz's formation, but also in that of the whole group «Serapion's Brothers». O. A. Vernik convincingly demonstrated that Gorky had always been consistent in his reviews of Luntz's oeuvre: he marked him out among other authors and believed that only the writer's early death hindered him from achieving real heights in literature.

The key words: literary group, reception, plot, oeuvre, creative process, fable.